Организация Объединенных Наций A/CN.4/624

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
31 March 2010
Russian
Original: French

Комиссия международного права
Шестьдесят вторая сессия
Женева, 3 мая — 4 июня
и 5 июля — 6 августа 2010 года

Пятнадцатый доклад об оговорках к международным договорам

Подготовлен специальным докладчиком Аленом Пелле

Продолжение четырнадцатого доклада (раздел III)

Содержание

		Пункты	*Стр.*	
I.	Введение	1–66		A/CN.4/614
II.	Процедура формулирования заявленийе о толковании (продолжение и завершение)	67–79		A/CN.4/614
III.	Действительность оговорок и заявление о толковании (продолжение и окончание)	80–178		A/CN.4/614/Add.1
IV.	Последствия оговорок и заявлений о толковании	179–		A/CN.4/614/Add.2
	A. Последствия оговорок, принятия и возражений	183–		A/CN.4/614/Add.2
	1. Правила Венских конвенций	183–196		A/CN.4/614/Add.2
	2. Действительные оговорки	197–		A/CN.4/614/Add.2
	a) Действующие оговорки	198–290		A/CN.4/614/Add.2

Настоящий доклад начинается отсюда

b) Последствия возражения против действительной оговорки		3
i) Вступление договора в силу		5
a. Презумпция вступления договора в силу между делающим оговорку государством и государством, заявляющим возражение		5

10-30196 (R) 290410 060510

Просьба отправить на вторичную переработку

b. Последствия возражения с максимальным эффектом: исключение договорных отношений между автором возражения и автором оговорки 8

c. Последствия других возражений для вступления договора в силу 10

ii) Содержание договорных отношений между автором оговорки и автором возражения 13

a. Последствия возражения с минимальным эффектом для договорных отношений 13

b. Последствия возражения с промежуточным эффектом для договорных отношений 26

c. Случай возражения с «супермаксимальным» эффектом 29

d. Последствия возражения с максимальным эффектом для договорных отношений (напоминание) 30

c) Последствия действительной оговорки для экстрадоговорных норм . . . 30

По причинам технического характера (Специальный докладчик не одобряет столь жесткий подход) настоящий доклад имеет условное обозначение, отличающееся от условного обозначения четырнадцатого доклада (A/CN.4/614 и Add.1 и 2), хотя по сути он представляет собой просто-напросто его продолжение[455].

IV. Последствия оговорок и заявлений о толковании (продолжение)

A. Последствия оговорок, принятия и возражений (продолжение)

2. Действительные оговорки (продолжение)

b) Последствия возражения против действительной оговорки

291. В отличие от принятия действительной оговорки возражение против оговорки может порождать достаточно разнообразные последствия в отношениях между автором оговорки и автором возражения. Выбор в значительной мере (но не по желанию) остается за последним, который может изменять возможные юридические последствия тандема оговорка-возражение. Так, он в соответствии с пунктом 4(b) статьи 20 Венских конвенций может решить, что договор не вступит в силу в отношениях между ним и автором оговорки, «определенно» (в английском тексте сказано точнее — “definitely”) выразив такое намерение. Однако автор возражения может также «решить» не возражать против вступления договора в силу в отношениях между ним и автором оговорки или, точнее говоря, воздержаться от выражения противоположного намерения. В этом последнем случае, и если договор фактически вступает в силу для обоих участников[456], договорные отношения между автором оговорки и автором возражения изменяются в соответствии с положениями пункта 3 статьи 21 Венских конвенций. Таким образом, конкретные последствия возражения против действительной оговорки для самого существования договорных отношений или для их содержания могут быть многочисленными и изменяться по отношению к тому же договору.

292. Между тем главная функция каждого возражения и его основного последствия остаются весьма простыми. В отличие от принятия возражение представляет собой отклонение оговорки его автором. Как недвусмысленно подтвердил Международный Суд в своем консультативном заключении 1951 года:

> «ни одно государство не может быть связано оговоркой, на которую оно не дало согласия»[457].

Таково фундаментальное последствие самого принципа консенсуализма, на котором покоится все право договоров, и в частности режим оговорок: договор представляет собой в высшей степени консенсуальный инструмент, черпаю-

---

[455] Последовательная нумерация пунктов сохранена.

[456] По вопросу о том, когда договор вступает в силу для автора оговорки, см. проект руководящего положения 4.2.1 (четырнадцатый доклад об оговорках к международным договорам, A/CN.4/614/Add.2, пункт 250) и пункты 297–319 ниже.

[457] *C.I.J. Recueil 1951,* p. 26.

щий свою силу из *воли* государств. Оговорки «единосущны» с согласием государства на обязательность договора[458].

293. Таким образом, возражение прежде всего представляет собой отказ возражающего государства согласиться с оговоркой и в этой связи препятствует тому, чтобы оговорка стала действующей по отношению к государству или международной организации, заявляющим возражение, по смыслу пункта 1 статьи 21 Венских конвенций и проекта руководящего положения 4.1[459]. Как подчеркнула Комиссия в своем комментарии к руководящему положению 2.6.1 (Определение возражения):

> «Отказ принять оговорку как раз и является самим объектом возражения в полном и обычном смысле этого слова»[460].

294. Таким образом, в отличие от принятия возражение делает оговорку неприменимой в отношении его автора. Такое последствие очевидно может иметь место только в случае, если оговорка не была уже принята автором возражения (прямо или молчаливо). Одно окончательно исключает другое, в любом случае в том что касается последствий принятия. В руководящем положении 2.8.12 в этой связи уточняется:

> «Принятие оговорки не может быть отозвано или изменено»[461].

295. Для того чтобы выделить эту первичную и в то же время основополагающую функцию возражения, в проекте руководящего положения 4.3, с которого начинается раздел Руководства по практике, посвященный последствиям возражения против действительной оговорки, можно бы было вновь подтвердить, с одной стороны, что принятие оговорки носит необратимый характер и что, с другой стороны, возражение делает оговорку неприменимой к возражающему государству:

4.3 Последствия возражения против действительной оговорки

> Формулирование возражения против действительной оговорки делает эту оговорку неприменимой к государству или международной организации, являющимися автором возражения, за исключением случаев, когда оговорка уже была действующей в отношении этого государства или этой международной организации.

296. Неприменимость оговорки в отношении государства или международной организации, являющихся автором возражения, однако, исчерпывает далеко не весь вопрос о последствиях возражения. Неприменимость может иметь целый ряд разных последствий, как в том, что касается вступления договора в силу (1), так и в том (после вступления договора в силу для автора оговорки и автора возражения), что касается самого содержания установленных таким образом договорных отношений (2).

---

[458] См., например, *Ежегодник … 1997 год*, том II, часть вторая, стр. 55, пункт 83.

[459] Четырнадцатый доклад об оговорках к международным договорам, A/CN.4/614/Add.2, пункты 199–206.

[460] *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестидесятая сессия, Дополнение № 10* (A/60/10), стр. 195 и 196, пункт 13 комментария.

[461] *Там же, шестьдесят четвертая сессия, Дополнение № 10* (A/64/10), стр. 263.

i) Вступление договора в силу

a. Презумпция вступления договора в силу между делающим оговорку государством и государством, заявляющим возражение

297. Из пункта 4(b) статьи 20 Венской конвенции 1986 года (который, если абстрагироваться от упоминания договаривающейся международной организации, во всех отношениях сопоставим с соответствующим положением Конвенции 1969 года) следует, что возражение против оговорки в принципе влечет за собой то, что договор вступает в силу в отношениях между заявляющим возражение государством и государством, делающим оговорку:

> «возражение договаривающегося государства или договаривающейся организации против оговорки не препятствует вступлению договора в силу между государством или международной организацией, возражающим/возражающей против оговорки, и государством или организацией, сформулировавшим/сформулировавшей оговорку».

Такое возражение, называемое «простым», или с «минимальным эффектом»[462], если и не имеет своим непосредственным последствием вступление договора в силу в отношениях между двумя государствами[463], как это происходит в случае принятия, то никак этому не препятствует.

298. Между тем речь идет лишь о презумпции, которая не может быть перевернута автором возражения. Пункт 4(b) статьи 20 Венской конвенции 1986 года продолжается следующим образом: «… если только возражающее против оговорки государство или возражающая против оговорки организация определенно не заявит о противоположном намерении». Таким образом, автор возражения может также выбрать вариант отсутствия всяких договорных отношений с автором оговорки при условии, что он это сделает «определенно».

299. Установленная в Венских конвенциях система соответствует варианту, принятому Международном Судом в 1951 году, следующего содержания:

> «Каждое государство, которое заявляет возражение против оговорки… может считать или не считать государство, сформулировавшее оговорку, участником Конвенции»[464].

300. Направленность презумпции позволяет устранить любые сюрпризы. Традиционно в основном русле консенсуализма непосредственным следствием возражения считалось то, что делающее оговорку государство не могло претендовать на статус государства-участника договора[465], что принято считать «максимальным» эффектом возражения. Такое решение было необходимым в системе единогласия, при которой даже одно возражение сводило на нет единодушное согласие других договаривающихся государств; никакое отступление

---

[462] Восьмой доклад об оговорках к международным договорам, A/CN.4/535/Add.1, пункт 95. См. также R. Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados, Lagunas y ambigüedades del Régimen de Viena*, Universidad de Murcia, 2004, pp. 279-280; F. Horn, *Reservations and Interpretative Declarations to Multilateral Treaties*, T.M.C. Asser Instituut, La Haye, 1988, pp. 170-172.

[463] Поскольку договор сам находится в силе или вступает в силу в результате присоединения государства, осуществившего принятие (см. проекты руководящих положений 4.2.1–4.2.3 и пункты 239–252 четырнадцатого доклада об оговорках к международным договорам, A/CN.4/614/Add.2).

[464] Avis du 28 mai 1951, *Réserves à la Convention sur le génocide*, *Rec.* 1951, p. 26.

[465] P.-H. Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux*, Pedone, Paris, 1979, pp. 155 et 260.

было невозможно. Делающее оговорку государство, чтобы стать участником договора, непременно должно было снять или изменить свою оговорку. Это правило было настолько очевидным, что первые специальные докладчики Комиссии, которые придерживались системы единогласия, в своих очередных проектах его даже не пытались формулировать.

301. «Революция» в связи с введением «гибкой» системы, за которую ратовал сэр Хамфри Уолдок[466], однако, не смогла заставить его отказаться от традиционного принципа, согласно которому возражение «препятствует вступлению договора в силу»[467]. Тем не менее Специальный докладчик признавал важное отличие от традиционной системы, поскольку полагал, что возражение обладает лишь относительным эффектом: не препятствуя тому, чтобы сделавшее оговорку государство стало участником договора, оно призвано играть свою роль только в отношениях между сделавшим оговорку государством и государством, заявляющим возражение[468].

302. Однако для того чтобы сблизить этот проект и решение, принятое в консультативном заключении Суда 1951 года[469], и вследствие критических замечаний и сомнений, высказанных достаточно большим числом членов Комиссии[470], предложенное Уолдоком радикальное решение было отклонено в пользу простой презумпции в отношении максимального эффекта, а минимальный эффект остался лишь в качестве возможного варианта. В этой связи пункт 2(b) проекта статьи 20, принятый в первом чтении, гласил:

> «Возражение, сделанное против оговорки государством, которое считает ее несовместимой с объектом и целью договора, препятствует вступлению этого договора в силу в отношениях между государством, заявившим возражение, и государством, которое сформулировало оговорку, если только возражающее государство не выразит противоположного намерения»[471].

303. При обсуждении этого проекта Комиссии международного права в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи делегации Чехословакии и Румынии все же выступили за обратную презумпцию, с тем чтобы сделать это правило «в большей степени позволяющим расширять договорные отношения между госу-

---

[466] A. Pellet, « Article 19 (1969) », *in* O. Corten et P. Klein (dirs.), *Les Conventions de Vienne sur le droit des traités, Commentaire article par article*, Bruylant, Bruxelles, 2006, pp. 664-668, pars. 44-55.

[467] См. проект пункта 4(c) статьи 19, представленный сэром Хамфри в 1962 году, первый доклад о праве международных договоров, A/CN.4/144, *Ежегодник… 1962 год*, том II, стр. 71 французского текста. Это решение к тому же часто представляется как единственное с точки зрения здравого смысла. См., например, P. Reuter, *Introduction au droit des traités*, 2ème éd., Paris, P.U.F., 1985, p. 75, par. 132.

[468] По этому поводу см. также комментарий Комиссии международного права к проекту пункта 2(b) статьи 20, *Ежегодник…1962 год*, том II, стр. 200 французского текста, пункт 23.

[469] См. сноску 464 выше.

[470] См., в частности, г-н Тункин (*Ежегодник…1962 год*, том I, 653-е заседание, 29 мая 1962 года, стр. 175 французского текста, пункт 26, и 654-е заседание, 30 мая 1962 года, стр. 181 французского текста, пункт 11), г-н Розен (*там же*, 653-е заседание, 29 мая 1962 года, пункт 30), г-н Хименез де Аречага (*там же*, стр. 177, пункт 48), г-н Луна (*там же*, стр. 179, пункт 66), г-н Яссин (*там же*, 654-е заседание, 30 мая 1962 года, стр. 180, пункт 6). Специальный докладчик также выступил за включение этой презумпции (*там же*, стр. 181 и 182, пункты 17 и 20).

[471] *Там же*, том II, стр. 194 и стр. 200, пункт 23.

дарствами и [с тем чтобы] воспрепятствовать варианту континуитета, который маложелателен в правовых отношениях между государствами»[472]. Однако, несмотря на позитивную реакцию некоторых членов Комиссии международного права при рассмотрении этого проекта во втором чтении[473], данная позиция в окончательном проекте Комиссии не была воплощена.

304. Между тем этот вопрос вновь возникнет на Венской конференции. В предложениях Чехословакии[474], Сирии[475] и Советского Союза[476] предлагалось перевернуть принятую Комиссией презумпцию. Это изменение презумпции, хотя и представлялось некоторыми делегациями как безобидное[477], являло собой значительный переворот в самой логике механизма принятия и возражений[478]. Именно по этой причине принцип переворота презумпции в 1968 году был отвергнут[479]. Однако на второй сессии Конференции Союз Советских Социалистических Республик опять представил поправку с подробной аргументацией в этом направлении[480], настаивая на суверенном праве каждого государства формулировать оговорки и опираясь на заключение Суда 1951 года[481]. Эта поправка в конечном итоге была принята[482] и содержащаяся в пункте 4(b) статьи 20 Конвенции презумпция оказалась изменена на обратную по сравнению с той, которая была предложена Комиссией международного права.

---

[472] См. резюме замечаний Чехословакии и Румынии в четвертом докладе по праву международных договоров, A/CN.4/177 и Add.1 и 2, *Ежегодник… 1965 год*, том II, стр 51 французского текста.

[473] См. выступление г-на Тункина (*Ежегодник… 1965 год*, том I, 799-е заседание, 10 июня 1965 года, стр. 183 французского текста, пункт 39) и г-на Ляхса (*там же*, 813-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 292, пункт 62).

[474] A/CONF.39/C.1/L.85, *in Conférence des Nations Unies sur le droit des traités*, *Documents officiels*, *Première et deuxième sessions*, *Vienne*, *26 mars-24 mai 1968 et 9 avril-22 mai 1969*, *Documents de la Conférence* (A/CONF.39/11/Add.2), p. 147.

[475] A/CONF.39/C.1/L.94, *ibid*.

[476] A/CONF.39/C.1/L.115, *ibid.,* p. 144.

[477] Объединенная Арабская Республика полагала, например, что эти поправки касаются сугубо вопроса формы (*Conférence des Nations Unies sur le droit des traités*, *Documents officiels*, *Première session*, Vienne, 26 mars-24 mai 1968, *Comptes-rendus analytiques des séances plénières et des séances de la Commission plénière* (A/CONF.39/11), 24ème séance, 16 avril 1968, p. 138, par. 24).

[478] См. выступление представителя Швеции по этому вопросу, который подчеркнул, что «формула Комиссии международного права может иметь то преимущество, что будет сдерживать государства в плане формулирования оговорок» (*ibid.*, 22ème séance, 11 avril 1968, p. 128, par. 35). Представитель Польши заявил о своей поддержке поправок как раз в силу того, что они будут способствовать формулированию оговорок и установлению договорных отношений (*ibid*), что для Аргентины «означало идти слишком далеко в применении критерия гибкости» (*ibid*., 24ème séance, 16 avril 1968, p. 141, par. 43).

[479] *Ibid.*, 25ème séance, 16 avril 1968, p. 147, pars. 35 et s.

[480] A/CONF.39/L.3, *Documents de la Conférence* (A/CONF.39/11/Add.2), préc. note 474, pp. 285 et 286.

[481] В частности, на ответ на второй вопрос, в котором Суд подтвердил, что государство, сформулировавшее возражение, «фактически может считать государство, которое сформулировало эту оговорку, не являющимся участником Конвенции» (см. сноску 464 выше).

[482] 49 голосами против 21 при 30 воздержавшихся (Conférence des Nations Unies sur le droit des traités, *Documents officiels*, Deuxième session, Vienne, 9 avril-22 mai 1969, *Comptes-rendus analytiques des séances plénières et des séances de la Commission plénière* (A/CONF.39/11/Add.1), 10ème séance plénière, 29 avril 1969, p. 37, par. 79.

305. Трудности, с которыми столкнулась Конференция в плане принятия советской поправки, четко свидетельствуют о том, что изменение презумпции в обратную сторону далеко не столь безобидно, как это утверждал на Конференции эксперт-консультант сэр Хамфри. По сути, проблема никак не ограничивается «формулированием правила в том или ином направлении»[483]: эта новая формула, в частности, лежит у истоков сомнений, которые часто высказываются по поводу функции возражения и реальных различий между принятием и возражением[484].

306. Тем не менее со времени принятия Венской конвенции 1969 года эта презумпция никогда сомнений не вызывала. При разработке Конвенции 1986 года Комиссия просто-напросто ее скопировала. В контексте работы по оговоркам к договорам не представляется ни возможным, ни реально необходимым разрушать тот компромисс, который был найден in extremis на Венской конференции 1969 года, сколь бы своеобразным он ни был. Согласно презумпции, которая в настоящее время является частью позитивного международного права, правило по-прежнему заключается в том, что возражение не препятствует вступлению договора в силу (c), а в виде исключения может отсутствовать всякая договорная связь между автором возражения и автором оговорки (b).

b. Последствия возражения с максимальным эффектом: исключение договорных отношений между автором возражения и автором оговорки

307. Пункт 4(b) статьи 20 Венских конвенций не оставляет никаких сомнений в тех последствиях, которые порождает возражение, сопровождающееся определенно выраженным намерением не применять договор в отношениях между автором возражения и автором оговорки в соответствии с руководящим положением 2.6.8 (Выражение намерения не допустить вступления в силу договора)[485]. В этом случае возражение производит свой «максимальный эффект».

308. Этому правилу посвящен проект руководящего положения 4.3.4, в котором по существу воспроизводится текст пункта 4(b) статьи 20 Венской конвенции 1986 года:

4.3.4 Невступление в силу договора между автором оговорки и автором возражения с максимальным эффектом

Возражение договаривающегося государства или договаривающейся организации против действительной оговорки не препятствует вступлению договора в силу между государством или международной организацией, возражающими против оговорки, и государством или организацией, сформулировавшими оговорку, если только возражающее против оговорки государство или возражающая против оговорки организация опреде-

---

[483] *Ibid.*, 10ème séance plénière, 29 avril 1969, p. 36, par. 74. V. aussi P.-H. Imbert, *op. cit.* note 465, pp. 156-157.

[484] F. Horn, *op. cit.* note 462, pp. 172 et 173.

[485] Это руководящее положение сформулировано следующим образом: «Когда формулирующие возражение против оговорки государство или международная организация намереваются не допустить вступления в силу договора между собой и сделавшими оговорку государством или международной организацией, оно/она должны определенно выразить это намерение до того, как договор в противном случае должен был бы вступить в силу между ними.» (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят третья сессия, Дополнение № 10* (A/63/10), стр. 213).

ленно не заявит о противоположном намерении [в соответствии с руководящим положением 2.6.8].

309. Выражение в квадратных скобках включено ради отсылки к руководящему положению, которое тесно связано с данным руководящим положением. Вместе с тем это уточнение вполне можно было бы поместить в текст комментария.

310. Как Комиссия уже констатировала в комментарии к руководящему положению 2.6.8, в Венских конвенциях никак не уточняется, в какой момент автор возражения должен выразить намерение не допустить вступления договора в силу[486]. Комиссия, однако, сочла, что в соответствии с презумпцией, закрепленной в пункте 4(b) статьи 20 Венских конвенций, возражение, которое не сопровождается четким выражением этого намерения, не имеет своим последствием не допустить вступление в силу договора между автором возражения и автором оговорки, а в отдельных случаях и вступление в силу самого договора. Такое юридическое последствие не может более ставиться под сомнение посредством последующего формулирования противоположного намерения. Данная идея уже выражена в руководящем положении 2.6.8, где уточняется, что намерение не допустить вступления в силу договора должно быть выражено «до того, как договор в противном случае должен был бы вступить в силу между [автором возражения и автором оговорки]»[487]. Между тем это руководящее положение касается *процедуры формулирования* требуемого намерения, а не его последствий; представляется целесообразным напомнить этот принцип в части Руководства по практике, касающейся юридического действия возражения с максимальным эффектом. Между тем в проекте руководящего положения 4.3.4 употребляется выражение «не препятствует вступлению в силу», которое предполагает, что договор не находится в силе между автором оговорки и автором возражения, когда оно формулируется.

311. Конкретно говоря, последствие невступления договора в силу между автором оговорки и автором возражения заключается в том, что между ними самими не существует никаких договорных отношений, если, как это часто бывает, и тот и другой могут считаться договаривающимися сторонами договора по смыслу Венских конвенций. Тот простой факт, что какая-то сторона отклоняет оговорку и не желает быть связанной положениями договора в своих отношениях с автором этой оговорки, вовсе не означает, что эта последняя не может стать договаривающейся стороной в соответствии с проектом руководящего положения 4.2.1. На самом деле в рамках общего режима достаточно, чтобы другое государство или другая международная организация прямо или молча приняли оговорку для того, чтобы автор оговорки считался договаривающейся стороной договора. Отсутствие договорных отношений между автором возражения с максимальным эффектом и автором оговорки a priori порождает последствия только между ними[488].

---

[486] Там же, стр. 215, пункт 4 комментария.

[487] См. сноску 485 выше и там же, стр. 215, пункт 5 комментария к руководящему положению 2.6.8.

[488] В 1951 году Международный Суд признал, что «такое решение обычно порождает последствия только в отношениях между государством, которое сделало оговорку, и государством, которое заявило против нее возражение» (*C.I.J. Recueil 1951*, p. 26). См., однако, пункт 317 выше.

c. Последствия других возражений для вступления договора в силу

312. В отсутствие определенно выраженного противоположного намерения возражение (которое можно считать «простым») против действительной оговорки не влечет, однако, ipso facto вступления договора в силу между автором оговорки и автором возражения, как это имеет место в случае принятия. Это к тому же составляет одно из фундаментальных различий между возражением и принятием, которое наряду с другими соображениями свидетельствует о том, что возражение не является «эквивалентом принятия», как это часто утверждали и продолжают утверждать[489]. Согласно пункту 4(b) статьи 20 Венских конвенций, воспроизведенному в проекте руководящего положения 4.3.4, такое возражение «*не препятствует* вступлению договора в силу между государством и международной организацией, возражающими против оговорки, и государством или организацией, сформулировавшими оговорку». Однако, хотя такое возражение *не препятствует* вступлению договора в силу, оно сохраняет нейтральность по вопросу о том, становится ли автор оговорки договаривающейся стороной договора, и вовсе необязательно обусловливает вступление договора в силу между автором возражения и автором оговорки.

313. Такое последствие (или скорее такое отсутствие последствия) простого возражения для установления и существования договорных отношений между его автором и автором оговорки вытекает непосредственно из формулировки пункта 4(b) статьи 20 Венских конвенций, поскольку государства иногда напоминают ее при формулировании возражения. Особенно красноречивым примером является возражение Нидерландов против оговорки, сформулированной Соединенными Штатами Америки в отношении Международного пакта о гражданских и политических правах:

> «С учетом положений пункта 3 статьи 21 Венской конвенции о праве международных договоров данные возражения не представляют собой *препятствия* для вступления в силу Пакта между Королевством Нидерландов и Соединенными Штатами»[490].

---

[489] См. замечания г-на Яссина (*Ежегодник ... 1965*, том I, 814-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 295 французского текста, пункт 5) и возражения г-на Тсуруоки (там же, 800-е заседание, 11 июня 1965 года, стр. 191, пункт 40) ; J.K. Koh, “Reservations to Multilateral Treaties: How International Legal Doctrine Reflects World Vision”, *Harvard International Law Journal*, vol. 23, 1982, p. 102 ; M. Coccia, “Reservations to Multilateral Treaties on Human Rights”, *California Western International Law Journal*, vol. 15, 1985, n 1, p. 35 ; G. Gaja, “Unruly Treaty Reservations”, *in Le Droit international à l’heure de sa codification*, *Études en l’honneur de Roberto Ago*, A. Giuffrè, Milan, 1987, pp. 326-329 ; J. Klabbers, “Accepting the Unacceptable? A New Nordic Approach to Reservations to Multilateral Treaties”, *Nordic Journal of International Law*, vol. 69, 2000, p. 181 ; J.M. Ruda, “Reservations to Treaties”, *R.C.A.D.I.*, vol. 146, 1975-III, pp. 198-199 ; L. Sucharipa-Behrmann, “The Legal Effect of Reservations to Multilateral Treaties”, *Austrian Review of International and European Law*, 1996, p. 74 ; K. Zemanek, “Some Unresolved Questions Concerning Reservations in the Vienna Convention on the Law of Treaties”, *Études en droit international en l’honneur du juge Manfred Lachs*, Martinus Nijhoff Publishers, The Hague/Boston/Lancaster, 1984, pp. 332-333. См. также первый доклад о праве и практике, касающихся оговорок к международным договорам, A/CN.4/470, *Ежегодник ... 1995 год*, том II, часть вторая, стр. 119, пункт 423.

[490] *Traités multilatéraux déposés auprès du Secrétaire général*, en ligne http://treaties.un.org (ch. IV, 4) (italiques ajoutés).

Здесь Нидерланды сочли целесообразным напомнить, что их возражение не представляет собой «препятствие» для вступления в силу договора по отношению к Соединенным Штатам и что, если договор вступит в силу, их договорные отношения будут определяться в соответствии с пунктом 3 статьи 21 Венской конвенции.

314. Такое последствие (или отсутствие последствия) простого возражения для вступления в силу договора можно было бы закрепить в проекте руководящего положения 4.3.1, который, за исключением небольших изменений сугубо формального свойства, четко следует содержанию пункта 4(b) статьи 20 Венской конвенции 1986 года:

4.3.1 Последствия возражения для вступления договора в силу между его автором и автором оговорки

Возражение договаривающегося государства или договаривающейся организации не препятствует вступлению договора в силу между государством или международной организацией, возражающими против оговорки, и государством или организацией, сформулировавшими оговорку, за исключением случая, предусмотренного руководящим положением 4.3.4.

315. Для того чтобы договор вступил в силу между автором возражения и автором оговорки, нужно и достаточно, чтобы этот договор находился в силе и чтобы автор оговорки и автор возражения были его договаривающимися сторонами. Иными словами, оговорка должна быть действующей посредством принятия другим государством или другой международной организацией по смыслу проекта руководящего положения 4.2.1. За исключением случая, предусмотренного в проекте руководящего положения 4.3.2, вступление договора в силу между автором оговорки и автором возражения против этой оговорки, таким образом, никак не зависит от самого возражения, а зависит от действующей оговорки; это действие никак не зависит от автора возражения.

316. Конкретно говоря, договор, который подчинен общему режиму согласия, установленному пунктом 4 статьи 20 Венских конвенций, вступает в силу для государства или международной организации, сделавших оговорку, только в случае, если оговорка была принята по меньшей мере одной другой договаривающейся стороной (согласно пункту 4(c) статьи 20 Венских конвенций). И лишь если оговорка является таким образом действующей могут возникать договорные отношения между автором оговорки и автором простого возражения. На эти договорные отношения, однако, распространяются ограничения пункта 3 статьи 21 Венских конвенций[491]. В проекте руководящего положения 4.3.2 предлагается уточнить момент, когда договор фактически вступает в силу между автором возражения и автором оговорки:

4.3.2 Вступление договора в силу между автором оговорки и автором возражения

Договор вступает в силу между автором оговорки и договаривающимся государством или договаривающейся организацией, которые заявили возражение, в момент, когда договор вступил в силу и когда автор оговорки стал договаривающейся стороной согласно руководящему положению 4.2.1.

---

[491] См. пункты 321–354 ниже.

317. Между тем иная ситуация складывается в случае, когда по тем или иным причинам лишь единогласное принятие договаривающимися сторонами может сделать оговорку «действующей», как это имеет место, например, в случае, договоров с ограниченным числом участников[492]. В этом случае любое возражение — простое или квалифицированное простое — имеет более важные последствия для вопроса вступления договора в силу в отношениях между всеми договаривающимися сторонами, с одной стороны, и автором оговорки, с другой. Возражение по сути исключает как таковое превращение оговорки в действующую. Даже если пункт 4(b) статьи 20 Венских конвенций был применим в этом конкретном случае (что нельзя определенно утверждать, если обратиться к началу настоящего пункта)[493], оговорка не могла бы быть действующей и, следовательно, автор оговорки никогда не мог бы стать договаривающейся стороной. Возражение — простое или квалифицированное — представляет собой в этом случае непреодолимое препятствие и для автора оговорки, и для всех договаривающихся сторон для установления договорных отношений с автором оговорки. Эту ситуацию способно разблокировать лишь снятие оговорки или возражения.

318. Хотя это решение уже вытекает из проектов руководящих положений 4.1.2 и 4.2.1, было бы небесполезно напомнить об этом важном последствии возражения против оговорки, которая требует единогласного принятия:

4.3.3 Невступление договора в силу для автора оговорки, когда требуется единогласное принятие

Если для того, чтобы оговорка стала действующей, требуется единогласное принятие, возражение, сделанное против действительной оговорки договаривающимся государством или договаривающейся организацией, препятствует вступлению договора в силу для государства или организации, являющихся автором оговорки.

319. К тому же можно представить себе ситуацию, когда какое-либо государство или организация — член международной организации формулирует возражение против оговорки, сформулированной другим государством или другой международной организацией, к учредительному акту этой организации. Такое возражение независимо от его содержания, однако, не имеет никаких юридических последствий. Комиссия уже приняла руководящее положение 2.8.11, согласно которому: «Руководящее положение 2.8.7 не препятствует государствам или международным организациям, являющимся членами международной организации, занимать позицию в отношении допустимости или уместности оговорки к учредительному акту организации. Такая позиция сама по себе не имеет юридических последствий[494]».

---

[492] «К случаям, помимо случаев, предусмотренных в предшествующих пунктах, и если в договоре не указано иное …»; см. четырнадцатый доклад об оговорках к международным договорам, A/CN.4/614/Add.2, пункты 223–233.

[493] «К случаям, помимо случаев, предусмотренных в предшествующих пунктах, и если в договоре не указано иное …».

[494] Комментарии к этому руководящему положению см. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят четвертая сессия, Дополнение № 10* (A/64/10), стр. 261–263. Руководящее положение 2.8.7 (Принятие оговорки к учредительному акту международной организации) гласит следующее: «Когда договор является учредительным актом международной организации и если в нем не предусматривается иное, оговорка должна

ii) Содержание договорных отношений между автором оговорки и автором возражения

320. Палитра потенциальных последствий возражения достаточно разнообразна[495]. Просто неприменение договора между автором оговорки и автором возражения представляет собой самый простой случай (возражение с максимальным эффектом — (d)), однако сегодня он носит лишь маргинальный характер, в частности в силу оборота презумпции, содержащейся в пункте 4(b) статьи 20 Венских конвенций[496]. Подавляющее большинство возражений сегодня направлено на порождение самых разнообразных последствий: не возражая против вступления договора в силу по отношению к автору оговорки, возражающее государство пытается изменить договорные отношения, приспосабливая их к своим собственным позициям. Согласно пункту 3 статьи 21 Венских конвенций эти отношения в принципе претворяются в жизнь посредством частичного неприменения договора (возражение с минимальным эффектом (a)). Между тем в практике государств были разработаны другие виды возражений, которые отдаляются от последствий, предусмотренных пунктом 3 статьи 21 Венских конвенций, либо посредством исключения применения отдельных положений договора, которые (как таковые) не охватываются оговоркой (возражение с промежуточным эффектом (b)), с одной стороны, либо посредством изображения того, что договор применяется без каких-либо изменений (возражение с супермаксимальным эффектом (c)).

a. Последствия возражения с минимальным эффектом для договорных отношений

321. В контексте традиционной системы единогласия было немыслимо, чтобы возражение порождало какое-то последствие помимо неучастия автора оговорки в договоре[497]: возражение подрывало единогласие и не позволяло сделавшему оговорку государству стать участником договора. В свете того, что в то время представлялось очевидным, ни Брайерли, ни Фитцморис последствия возражений против оговорок не обсуждали, а Херш Лаутерпахт лишь коснулся их в своих предложениях de lege ferenda[498].

322. В своем первом докладе сэр Хамфри также не счел нужным заниматься вопросом о последствиях возражений против оговорки. Объясняется это тем, что согласно его проекту пункта 4(c) статьи 19 возражение препятствует вступлению договора в силу в двусторонних отношениях между делающим оговорку государством и государством, заявляющим возражение[499]. Несмотря на изменение этого категоричного решения в пользу простой презумпции, в принятом в первом чтении проекте статей по-прежнему ничего не говорилось по вопросу о конкретных последствиях возражения, которое не препятствовало

быть принята компетентным органом этой организации».

[495] См. пункт 291 выше.

[496] См. четырнадцатый доклад об оговорках к международным договорам, A/CN.4/614/Add.2, пункт 192, и пункты 297–306 выше.

[497] См. Voir D.W. Greig, “Reservations: Equity as a Balancing Factor?”, *Australian Year Book of International Law*, vol. 16, 1995, p. 146; F. Horn, *op. cit.* note 462, p. 170.

[498] Варианты C и D к проекту статьи 9 в первом докладе по праву международных договоров, A/CN.4/63, стр. 9 и 10 французского текста; английский текст см. *Ежегодник… 1953 год*, том II, стр. 92 английского текста.

[499] См. пункт 301 выше.

вступлению договора в силу между его автором и сделавшим оговорку государством. Однако такое молчание обеспокоило не слишком много государств[500].

323. Тем не менее замечание, сделанное Соединенными Штатами Америки[501], привлечет внимание Специального докладчика Комиссии международного права по этой проблеме. Хотя случай установления договорных отношений независимо от возражений считался «редким»[502] (что, безусловно, соответствует духу этой эпохи), Соединенные Штаты, тем не менее, решили, что случаи такого рода предусмотреть необходимо, и предложили включить новый пункт следующего содержания:

> «Когда государство отклоняет оговорку или заявляет против нее возражение, однако считает себя связанным договором с автором оговорки, положения, к которым применяется оговорка, не применяются между двумя государствами[503]».

324. Пояснения Соединенных Штатов убедили сэра Хамфри в «логической» необходимости включить этот случай в проект статьи 21. Он предложил новый пункт, сформулированный совсем не так, как предложение Соединенных Штатов:

> «Когда государство заявляет возражение против оговорки другого государства, но оба государства считают себя тем не менее взаимно связанными договором, положение, к которому относится оговорка, не применяется в отношениях между этими государствами[504]».

Кроме того, в своем заключении 1951 года Международный Суд выразился в том же духе:

> «И наконец, может случиться так, что государство, не делая вида, что оговорка несовместима с объектом и целью Конвенции, все же заявляет против нее возражение, но в силу договоренности между ним и государством, которое сформулировало оговорку, Конвенция вступает в силу в отношениях между ними, за исключением положений, затронутых оговоркой[505]».

325. Обсуждение в Комиссии международного права этого проекта пункта 3 было весьма оживленным. Кастрен, который полагал, что случай оговорки, ставшей объектом простого возражения, уже достаточно отражен в пункте 1(b) проекта статьи 21[506], остался в единственном числе. Большинство членов[507]

---

[500] Лишь два государства прямо подняли эту проблему. Ср. замечания правительства Дании (сэр Хамфри Уолдок, четвертый доклад по праву международных договоров, A/CN.4/177 и Add.1 и 2, *Ежегодник… 1965 год*, том II, стр. 48 французского текста) и замечания Соединенных Штатов (*там же*, стр. 50 и 58).

[501] *Там же*, стр. 58.

[502] *Там же*.

[503] *Там же*.

[504] *Там же*, стр. 59, пункт 3 (Замечания и предложения Специального докладчика по статье 21).

[505] *C.I.J. Recueil 1951*, p. 27.

[506] *Ежегодник … 1965 год*, том I, 800-е заседание, 11 июня 1965 года, стр. 189 французского текста, пункт 15.

[507] Г-н Руда (там же, пункт 13); г-н Аго (там же, 814-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 295 и 296, пункты 7 и 11); г-н Тункин (там же, стр. 296, пункт 8) и г-н Бригс (там же, пункт 14).

сочли необходимым и даже «непременным»[508] включение положения «во избежание двусмысленных ситуаций»[509]. Однако мнения членов Комиссии разошлись по вопросу объяснения последствий, предусмотренных новым пунктом, который предложили Соединенные Штаты и который предложил Специальный докладчик: если в предложении сэра Хамфри акцент ставился на консенсуальную основу договорных отношений, установленных независимо от возражения, то предложение Соединенных Штатов, насколько можно судить, предполагало, что предусмотренное последствие вытекает лишь из одностороннего акта возражающего государства, т.е. из возражения, при этом сделавшее оговорку государство реального выбора не имеет. В Комиссии у обоих этих тезисов нашлись свои сторонники[510].

326. Однако принятый единогласно Комиссией окончательный текст[511] остается весьма нейтральным и четко свидетельствует о том, что этот вопрос Комиссией международного права решен не был. Специальный докладчик действительно полагал, что он мог «допустить ту или иную из двух тенденций, которые проявились в связи с дополнительным пунктом», при том что обе версии имеют одни и те же практические последствия и в этой конкретной ситуации оба государства, вероятно, будут готовы считать договор действующим в отношениях между ними, за исключением положений, ставших предметом оговорок»[512].

327. На Венской конференции пункт 3 того, что стало статьей 21, в ходе обсуждений никаких проблем не вызвал, за исключением некоторых неудачных изменений, от которых Конференция довольно быстро отказалась.

328. Однако этот эпизод небезынтересен для понимания пункта 3 статьи 21. Редакционный комитет Конференции под председательством Яссина, который в рамках Комиссии выражал сомнения по поводу разграничения между принятием и возражением в плане их соответствующих последствий для договорных отношений[513], предложил измененный текст пункта 3 статьи 21, с тем чтобы отразить новую презумпцию в пользу минимального эффекта возражения, принятую вследствие поправки Советского Союза. Согласно этой поправке:

> «В случае, когда какое-либо государство, которое сформулировало возражение против оговорки, не выступает против вступления договора в силу между ним и государством, сделавшим оговорку, *оговорка порождает последствия, изложенные в пунктах 1 и 2*[514]».

---

[508] См. выступление г-на Аго (там же, стр. 295, пункт 7).

[509] Там же, стр. 296, пункт 7.

[510] Г-н Яссин (там же, 800-е заседание, 11 июня 1965 года, стр. 188 французского текста, пункт 7, и стр. 189 и 190, пункты 21–23 и 26), г-н Тункин (там же, стр. 189, пункт 18) и г-н Пал (там же, пункт 24) высказали те же сомнения, что и Специальный докладчик (там же, стр. 190, пункт 31); г-н Розен, поддержанный г-ном Рудой (там же, стр. 189, пункт 13), напротив, полагал, что «односторонняя концепция ситуации, которую правительство Соединенных Штатов изложило в своих замечаниях по поводу пункта 2, в большей степени соответствует общей структуре положений об оговорках, принятых Комиссией, и выглядит предпочтительнее концепции взаимности, предлагаемой Специальным докладчиком» (там же, стр. 188, пункт 10).

[511] Там же, 816-е заседание, 2 июля 1965 года, стр. 309.

[512] Там же, 800-е заседание, 11 июня 1965 года, стр. 190, пункт 31.

[513] Там же, 814-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 295, пункт 5.

[514] *Comptes-rendus analytiques* (A/CONF.39/11/Add.1), préc. note 482, 11e séance plénière,

Отсюда весьма четко следовало, что простое возражение, как предполагалось, должно порождать те же последствия, что и принятие. Хотя это положение уже было принято Конференцией[515], за несколько дней до ее окончания была внесена совместная поправка Индии, Нидерландов, Союза Советских Социалистических Республик и Японии[516], с тем чтобы заменить конец фразы текстом, первоначально предложенным Комиссией, в целях восстановления разграничения между последствиями возражения и принятием.

329. Совместная поправка была внесена в текст Редакционным комитетом и принята Конференцией[517]. Г-н Яссин пояснил, что «действительно следовало провести разграничение между случаем, когда государство заявляет возражение против оговорки, соглашаясь с тем, что договор вступает в силу, и случаем, когда сформулированная оговорка принимается»[518].

330. История разработки, таким образом, не оставляет никаких сомнений в том, что

> *мнение о том, что институт возражений в конечном итоге не имеет никаких особых последствий, вызывает тревогу, поскольку авторы Венской конвенции намеревались использовать его в качестве инструмента, с помощью которого стороны договора ограждают себя от нежелательных оговорок*[519].

Восстановление текста, первоначально предложенного Комиссией, возвращает возражению его подлинное значение и его настоящие последствия и дает отпор тем представителям доктрины, которые ставили под сомнение специфику института возражения по сравнению с институтом принятия[520].

331. Пункт 3 статьи 21 Конвенции 1969 года, однако, не был примером кодификации в строгом смысле этого слова в момент его принятия Комиссией, а затем Конференцией. Он был включен Комиссией, «чтобы устранить пробел»[521], а не в качестве обычной нормы[522]. Хотя пункт 3 разрабатывался Комиссией несколько поспешно и вызывал обсуждения и предложения внести изменения до последних дней Венской конференции 1969 года, некоторые члены Комиссии во время разработки проекта того, что стало Венской конвенцией 1986 года, тем не менее полагали, что это положение является понятным[523] и приемлемым[524]. Такова, как представляется, была позиция Комиссии в целом, поскольку она приняла его в первом чтении, внеся лишь изменения редакционного характера, потребовавшиеся после 1977 года. Это одобрение свидетельст-

---

30 avril 1969, p. 38 (italiques ajoutés).

[515] *Ibid*., par. 10 (94 voix contre zéro).

[516] A/CONF.39/L.49, *Documents de la Conférence* (A/CONF.39/11/Add.2), préc. note 474, p. 293.

[517] *Ibid*., 33ème séance plénière, 21 mai 1969, p. 193, par. 12.

[518] *Ibid*., par. 2.

[519] F. Horn, *op. cit.* note 462, pp. 173–174.

[520] См. ссылки на доктрину в сноске 489 выше.

[521] *Ежегодник ... 1966 год*, том II, стр. 227 французского текста, пункт 2 комментария к проекту статьи 19.

[522] R.W. Edwards, Jr., “Reservations to Treaties”, *Michigan Journal of International Law*, vol. 10, 1989, n°2, p. 398.

[523] Г-н Калье-и-Калье, *Ежегодник ... 1977 год*, том I, 1434-е заседание, 6 июня 1977 года, стр. 124, пункт 8.

[524] Г-н Табиби, там же, стр. 124, пункт 7.

вует об обычном характере, который приобрел пункт 3 статьи 21[525], что подтверждается решением франко-британского арбитража по рассмотрению спора о *делимитации континентального шельфа Ируазского моря*, вынесенного несколько дней спустя[526]. Здесь речь идет об элементе «гибкой» системы оговорок к договорам.

332. Отныне «нормальные» последствия возражения против действительной оговорки, таким образом, предусмотрены в пункте 3 статьи 21 Венских конвенций. Это положение в более полной редакции 1986 года предусматривает следующее:

> «Когда государство или международная организация, возражающее/возражающая против оговорки, не возражало/возражала против вступления в силу договора между собой и сделавшим оговорку государством или сделавшей оговорку организацией, то положения, к которым относится оговорка, не применяются между сделавшим оговорку государством или сделавшей оговорку организацией и возразившим против оговорки государством или возразившей против оговорки организацией в пределах сферы действия такой оговорки».

333. Несмотря на явное усложнение формулировки, смысл положения ясен: как только договор фактически вступил в силу в двусторонних отношениях между автором оговорки и автором возражения (что в пункте 3 статьи 21 не уточняется, но очевидно и так), из их договорных отношений исчезает положение или положения, которых касается оговорка, в пределах сферы действия такой оговорки. Между тем пункт 3 статьи 21 вызывает три замечания.

334. Во-первых, предусмотренные последствия возражения фактически диаметрально противоположны последствиям принятия. Последствия принятия заключаются в изменении юридического действия положений, которых касается оговорка, в пределах сферы действия такой оговорки, тогда как возражение исключает применение этих положений в том же объеме. Хотя в ряде специфических случаев конкретные последствия для договорных отношений, установленных несмотря на возражение, могут быть идентичны последствиям, порождаемым принятием[527], тем не менее правовые режимы пары оговорка/принятие, с одной стороны, и оговорка/возражение, с другой стороны, юридически абсолютно разные.

335. Во-вторых, вызывает удивление (и сожаление) то, что пункт 3 никак не ограничивает сферу применения лишь «действительными» оговорками по смыслу статьи 19 и статьи 23, как это сделано в пункте 1[528]. Тем не менее весьма сомнительно то, что возражение против недействительной оговорки может порождать последствия, предусмотренные пунктом 3, хотя практика государств, как представляется, это допускает. Государства, по сути, часто возражают против оговорок, которые они считают недействительными в силу несовместимости с объектом и целью договора, при этом не выступая против вступления договора в силу или прямо уточняя, что их возражение не препят-

---

[525] R.W. Edwards, Jr., *op. cit.* note 522, p. 398; G. Gaja, *op. cit.* note 489, p. 308.

[526] Décision du 30 juin 1977, R.S.A., vol. XVIII, p. 130.

[527] По этому вопросу см. пункт 351 ниже.

[528] «1. Оговорка, действующая в отношении другого участника в соответствии со статьями 19, 20 и 23…»; см. четырнадцатый доклад об оговорках к международным договорам, A/CN.4/614/Add.2, пункт 205.

ствует вступлению договора в силу в их отношениях с государством, сделавшим оговорку.

336. Красноречивым примером является возражение Федеративной Республики Германия против оговорки, сформулированной Мьянмой к Нью-Йоркской конвенции о правах ребенка:

> «Федеративная Республика Германия, полагая, что оговорки, сделанные Союзом Мьянма к статьям 15 и 37 Конвенции о правах ребенка, несовместимы с объектом и целью указанной Конвенции (пункт 2 статьи 51), заявляет возражение против этих оговорок.
>
> Это возражение не будет препятствовать вступлению Конвенции в силу в отношениях между Союзом Мьянма и Федеративной Республикой Германия[529]».

Этот пример далеко не единичен; существует большое число возражений «с минимальным эффектом», которые, несмотря на убежденность, выражаемую их авторами в отношении недействительности оговорки, не препятствуют вступлению договора в силу и прямо это предусматривают[530]. Таким образом, простые возражения против оговорок, считающихся недействительными, являются далеко не вымыслом[531].

337. Венская конвенция не дает ответа на эту острую проблему и, судя по всему, рассматривает последствия возражения для содержания договорных отношений независимо от вопроса действительности оговорки. В отношении этого аспекта можно полагать, что Комиссия вышла за пределы необходимого в вопросе размежевания критериев действительности оговорки и последствий возражения. Одно дело разрешать государствам и международным организациям

---

[529] *Traités multilatéraux déposés auprès du Secrétaire général*, en ligne http://treaties.un.org/ (chap. IV, 11).

[530] См. также в числе многочисленных примеров возражения Бельгии против оговорок Египта и Камбоджи к Венской конвенции о дипломатических сношениях (*ibid.* (ch. III, 3)) или возражения Германии против ряда оговорок к той же Конвенции (*ibid*.). Небезынтересно, однако, отметить по поводу возражения Германии, где оговорки названы «несовместимыми с буквой и духом Конвенции», что правительство Германии в отношении ряда возражений заявило лишь то, что они не препятствуют вступлению в силу договора между Германией и соответствующими государствами, при этом четко не излагая позицию в других случаях, в которых она возражала против какой-нибудь оговорки по тем же причинам. Многочисленные примеры можно обнаружить в возражениях против оговорок, сформулированных к Международному пакту о гражданских и политических правах: в частности, возражения, сделанные против оговорки Соединенных Штатов к статье 6 Пакта Бельгией, Данией, Испанией, Италией, Нидерландами, Норвегией, Португалией, Финляндией, Францией и Швецией (*ibid.* (ch. IV, 4)). Все эти государства сочли оговорку несовместимой с объектом и целью Пакта, однако при этом не выступали против вступления Пакта в силу в своих отношениях с Соединенными Штатами; в отличие от Германии, которая не хранила молчания по этому вопросу, хотя ее возражение в равной степени было мотивировано противоречием оговорки Соединенных Штатов «как смыслу, так и духу и намерению статьи 6» (*ibid*.). Это явление, однако, не ограничивается договорами по правам человека: см. возражения Австрии, Германии, Италии и Франции против оговорки Вьетнама к Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года (*ibid*. (ch. VI, 19)).

[531] K. Zemanek, *op. cit.* note 489, p. 331.

возражать против любой оговорки[532], действительной или недействительной, и совсем другое — наделять все эти возражения идентичными последствиями, и более чем сомнительно, что пункт 3 статьи 21 Венских конвенций применим к возражениям против оговорок, которые не удовлетворяют условиям действительности статьи 19 и статьи 23[533]. Однако в настоящий момент нет необходимости окончательно решать этот вопрос: на данном этапе анализа речь идет лишь об исследовании последствий *действительной* оговорки[534].

338. В-третьих, хотя из текста пункта 3 статьи 21 Венских конвенций явствует, что положения, которых касается оговорка, не применяются в отношении автора возражения, часть фразы «в пределах сферы действия такой оговорки» остается «достаточно туманной»[535] и требует более пространных пояснений.

339. В решении Арбитража по делу о *делимитации континентального шельфа в Ируазском море*[536] уточняется смысл этого выражения. Французская Республика при ратификации сформулировала оговорку к статье 6 Женевской конвенции о континентальном шельфе 1958 года, и соответствующая часть этой оговорки гласила следующее:

> «Правительство Французской Республики не будет принимать без прямой договоренности делимитацию континентального шельфа на основе принципа равной удаленности:
>
> если она будет измеряться от исходных линий, установленных после 29 апреля 1958 года;
>
> если она будет продолжена за пределы изобаты, отражающей 200-метровую глубину;
>
> если она находится в районах, где, как считается, имеются «особые обстоятельства» по смыслу пунктов 1 и 2 статьи 6, а именно: в Гасконском заливе, бухте Гранвиля и акваториях Па-де-Кале и Северного моря у берегов Франции[537]».

Правительство Соединенного Королевства заявило возражение против этой части оговорки Франции, указав лишь, что:

> «Правительство Соединенного Королевства не в состоянии принять оговорки, сформулированные правительством Французской Республики[538]».

В Арбитраже Франция утверждала, что в силу совокупных последствий ее оговорки и возражения Великобритании и с учетом принципа консенсуализма ста-

---

[532] См. четырнадцатый доклад об оговорках к международным договорам, A/CN.4/614/Add.1, пункты 96–100.

[533] См., в частности, G. Gaja, “Il regime della Convenzione di Vienna concernente le riserve inammissibil”, *in Studi in onore di Vincenzo Starace*, Ed. Scientifica, Naples, 2008, pp. 349–361.

[534] См. четырнадцатый доклад об оговорках к международным договорам, A/CN.4/614/Add.2, пункт 196.

[535] По выражению представителя Соединенных Штатов Америки на Венской конференции, *Comptes-rendus analytiques* (A/CONF.39/11/Add.1), préc. note 482, 33e séance plénière, 21 mai 1969, p. 193, par. 9.

[536] См. сноску 526 выше.

[537] *Traités multilatéraux déposés auprès du Secrétaire général*, en ligne http://treaties.un.org/ (chap. XXI, 4).

[538] *Ibid.*

тья 6 в целом не применима в отношениях между двумя сторонами[539]. В свою очередь Соединенное Королевство полагало, что согласно пункту 3 статьи 21 Венской конвенции, которая в то время не вступила в силу и даже не была подписана Французской Республикой, «оговорки Франции могут делать статью 6 неприменимой не в целом, а в лучшем случае лишь в пределах сферы действия оговорки»[540].

340. Арбитраж заявил следующее:

> «Ответ на вопрос о юридических последствиях оговорки Франции отчасти вытекает из аргументов Французской Республики и отчасти из аргументов Соединенного Королевства. Французская Республика явно имеет основания заявлять, что установление договорных отношений между нею и Соединенным Королевством в рамках Конвенции зависит от согласия, даваемого каждым государством на обязательность положений этой Конвенции, и что, формулируя свои оговорки к статье 6, она подчинила свое согласие на обязательность положений этой статьи условиям, изложенным в оговорках. С другой стороны, замечание Соединенного Королевства, согласно которому его отказ касался только оговорок, а не статьи 6 в целом, имеет значительный вес. В итоге разногласия между двумя государствами касались не вопроса о признании статьи 6 как применимой в их взаимоотношениях, а тех аспектов, которые оговорки Французской Республики исключили из сферы применения статьи 6. Последствия отклонения оговорок Соединенным Королевством, таким образом, ограничиваются самими оговорками[541]».

И далее Арбитраж заявил:

> «Последствия отклонения, однако, в более узком смысле вполне можно считать как делающие оговорки неприменимыми к Соединенному Королевству. Как последствия оговорок Франции заключаются в том, чтобы не дать Соединенному Королевству ссылаться на положения статьи 6, иначе как на условиях, изложенных в оговорках, так и последствия отклонения оговорок заключаются в том, чтобы не дать Французской Республике навязать эти оговорки Соединенному Королевству, с тем чтобы обеспечить применение к нему в качестве обязательной делимитации, осуществленной в соответствии с условиями, содержащимися в этих оговорках. Таким образом, совокупные последствия оговорок Франции и их отклонения Соединенным Королевством заключаются и не в том, чтобы сделать статью 6 неприменимой в целом, как об этом заявляет Французская Республика, и не в том, чтобы сделать ее применимой в целом, как на этом настаивает Соединенное Королевство в первом аргументе. Последствия оговорок и их отклонения заключаются в том, чтобы сделать статью 6 неприменимой между двумя государствами в пределах сферы действия оговорок, но только в пределах этой сферы; это как раз то, что в подобном случае предусматривает пункт 3 статьи 21 Венской конвенции о праве

---

[539] Décision du 30 juin 1977, *Délimitation du plateau continental de la mer d'Iroise*, préc. note 526, p. 170, par. 57.

[540] *Ibid., p. 171,par. 58.*

[541] *Ibid., par. 59.*

международных договоров и что вытекает из принципа взаимного согласия[542]».

341. Таким образом, это решение 1977 года подтверждает не только обычно правовой характер пункта 3 статьи 21[543]. Оно, к тому же, уточняет, что цель данного положения, которая вытекает из самого принципа взаимного согласия, заключается в максимально возможном сохранении договоренности между сторонами. Исключать надо применение не всего или всех положений, которых касается оговорка, а лишь тех их частей, с которыми стороны выразили свое несогласие.

342. В случае Франции и Соединенного Королевства это равносильно признанию того, что статья 6 остается применимой между двумя сторонами, за исключением тех элементов, которых касается оговорка Франции. Это как раз то, что означают слова «в пределах сферы действия такой оговорки». Предусмотренные пунктом 3 последствия направлены на сохранение договоренности между сторонами в максимально возможной степени посредством обеспечения применения в договорах тех положений, по которым согласие было достигнуто, и исключения других положений; или, как пояснил Дж.К. Ко,

> *в этом отношении Венская конвенция, как представляется, прямо стремится сохранить договор в максимально возможном объеме, даже когда у сторон нет согласия по поводу оговорки ... Венская конвенция пытается спасти в максимальной степени то, что не вызывает споров в отношениях между государствами, сделавшими оговорку, и государствами, заявляющими возражения*[544].

343. Хотя в принципе пункт 3 статьи 21 сформулирован более четко, чем об этом иногда говорят, тем не менее применять его непросто. По этому поводу Д.У. Боуэтт заметил:

> *Практическая трудность может заключаться в том, чтобы точно определить, какая часть договора затронута оговоркой и, таким образом, должна быть изъята из договоренности между двумя сторонами. Речь может идти о целой статье или пункте статьи или лишь об одной фразе или слове в пункте. Нет правила, которое могло бы определить это, за исключением того, что с помощью обычных способов толкования и анализа необходимо определить, к какому «положению», к какому слову относится оговорка*[545].

Кроме того, как справедливо подчеркнул Франк Хорн:

> *Оговорка затрагивает не только положение, к которому она непосредственного относится, но также может влиять на другие положения. «Исключение» одного положения, т.е. введение противоположной нормы, изменяет контекст, необходимый для толкования других норм. Норма редко существует изолированно, она является неотъемлемой частью системы норм. Сфера действия оговорки не обязательно ограничивается*

---

[542] *Ibid., pp. 171–172, par. 61.*

[543] См. пункт 331 выше.

[544] Op. cit. note 489, p. 102.

[545] D.W. Bowett, “Reservations to Non-Restricted Multilateral Treaties”, *B.Y.B.I.L.*, 1976-1977, p. 86.

лишь непосредственно затронутым положением, а распространяется также на положения, на применении которых сказывается «исключение» или «изменение»[546].

344. Таким образом, лишь толкование оговорки может помочь определить те положения договора или те части этих положений, юридическое действие которых делающее оговорку государство или международная организация намеревается исключить или изменить. Эти положения или части положений в силу возражения становятся неприменимыми в договорных отношениях между автором возражения и автором оговорки. Все положения или части положений, которых оговорка не касается, остаются применимыми между двумя сторонами.

345. Можно легко определить, что следует исключить из отношений между двумя сторонами, задав следующий вопрос: что фактически изменяет оговорка в договорных отношениях между ее автором и договаривающейся стороной, которая ее приняла. Все это исключается из отношений с той договаривающейся стороной, которая заявила возражение против этой оговорки.

346. В этой связи в руководящем положении 4.3.5, которое определяет содержание договорных отношений между автором простого возражения и автором оговорки, воспроизводится содержание пункта 3 статьи 21 Венской конвенции 1986 года, который идеально отвечает на этот вопрос, уточняя, что это касается исключительно возражений против действительной оговорки. Кроме того, с тем чтобы уточнить, что последствие возражения не заключается в автоматическом исключении применения всего положения, которого касается оговорка (как это утверждала Французская Республика в деле о *делимитации континентального шельфа в Ируазском море*)[547], было бы целесообразно уточнить, что исключение может касаться лишь «части положения». Таким образом, проект руководящего положения мог бы быть сформулирован следующим образом:

4.3.5. Содержание договорных отношений

В случае, когда государство или международная организация, сформулировавшие возражение против действительной оговорки, не возразили против вступления договора в силу между ними и сделавшими оговорку государством или организацией, положения или части положений, которых касается оговорка, не применяются между автором оговорки и государством или организацией, сформулировавшими возражение, в пределах сферы действия такой оговорки.

347. Чтобы пояснить содержание договорных отношений между автором оговорки и государством или международной организацией, сформулировавшими возражение, полезно использовать различие между “modifying reservations” [изменяющими оговорками] и “excluding reservations” [исключающими оговорками], уже используемое для определения последствий действующей оговорки[548].

---

[546] F. Horn, *op. cit.* note 462, p. 178.

[547] См. пункт 339 выше.

[548] См. четырнадцатый доклад об оговорках к международным договорам, A/CN.4/614/Add.2, пункт 262.

348. Выявить случай исключающих оговорок особенно легко. Доказательством является пример оговорки Египта к Венской конвенции о дипломатических сношениях. Эта оговорка уточняет:

«Пункт 2 статьи 37 не применяется[549]».

Положением, которого касается оговорка, несомненно является пункт 2 статьи 37 Конвенции о дипломатических сношениях. Таким образом, в договорных отношениях между автором оговорки и автором простого возражения Венская конвенции о дипломатических сношениях будет применяться без пункта 2 статьи 37. Это положение (или часть положения) не применяется в пределах действия оговорки; то есть не применяется вовсе. Его применение полностью исключено.

349. Куба сделала оговорку об исключении применения пункта 1 статьи 25 Конвенции о специальных миссиях:

«Революционное правительство Республики Куба делает прямую оговорку относительно третьего предложения пункта 1 статьи 25 и соответственно не признает, что согласие главы специальной миссии может предполагаться полученным в случаях, о которых говорится в этом пункте или в любом другом случае[550].

Также в этом случае возражение (простое) имеет следствием исключение применения третьего предложения пункта 1 статьи 25 Конвенции. Тем не менее остальная часть этого положения остается в силе в отношениях между двумя сторонами».

350. Однако возможны случаи намного более сложных исключающих оговорок. В частности, таковым является случай сквозных оговорок, то есть оговорок, которые направлены на исключение юридического действия договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов[551]. Так, оговорка Гватемалы к Таможенной конвенции о временном ввозе частных дорожных перевозочных средств 1954 года предусматривает:

«Правительство Гватемалы оставляет за собой право:

1) считать, что положения Конвенции применяются лишь к физическим лицам, а не к физическим и юридическим лицам, как это предусматривает статья 1 главы 1 (…)[552]».

Чисто механическое применение пункта 3 статьи 21 Венских конвенций могло бы создать впечатление, что договорные отношения между автором этой оговорки и государством, сформулировавшим против нее возражение, исключают применение статьи 1 — положения, которого касается оговорка. Но оговорка касается этого положения не потому, что в ней напрямую говорится лишь о статье 1. В конкретном случае оговорки Гватемалы было бы также абсурдным

---

[549] *Многосторонние договоры, сданные на хранение Генеральному секретарю*, http://treaties.un.org/ (глава III, 3). См. также четырнадцатый доклад об оговоркам к международным договорам, A/CN.4/614/Add.2, пункт 264.

[550] *Многосторонние договоры…, там же* (глава III, 9).

[551] См. руководящее указание 1.1.1 (объект оговорок) и комментарий к нему (*Ежегодник… 1999 год*, том II, часть 2, стр. 98-100).

[552] *Многосторонние договоры, сданные на хранение Генеральному секретарю*, http://treaties.un.org/ (глава XI, A, 8).

исключать лишь применение статьи 1 Конвенции или считать, что, поскольку оговорка касается всех положений Конвенции (исключая часть из своей сферы применения), простое возражение исключает все положения Конвенции. Лишь то, что на деле изменено или исключено по причине оговорки, остается неприменимым в договорных отношениях между автором оговорки и автором простого возражения: применимость всей Конвенции в той мере, в какой это применение касается юридических лиц.

351. В этих случаях, и только в таких случаях, возражение проявляет конкретно те же последствия, что и принятие: исключение юридического действия или применения положения, которого касается оговорка «в пределах действия такой оговорки»; принятие и простое возражение влекут за собой те же договорные отношения между автором оговорки, с одной стороны, и автором принятия или простого возражения, с другой стороны. По этому вопросу авторы сходятся во мнениях[553]. Однако такое сходство последствий принятия и возражения с минимальным эффектом не означает, что обе реакции являются идентичными и что автор оговорки “would get what it desired”[554] [«получит то, что он хочет»]. Но это происходит лишь в конкретном случае исключительных оговорок, и речь ни в коем случае не идет об оговорках, посредством которых их автор стремится изменить юридическое действие положения договора[555]. Кроме того, в то время как принятие является синонимом согласия или, по крайней мере, отсутствия возражения в отношении оговорки, возражение не может рассматриваться как простое «благое пожелание»[556]; оно представляет собой выражение несогласия и направлено на сохранение прав его автора образом, сравнимым с односторонним заявлением (возражением)[557].

352. В поддержку этих замечаний, однако, представляется полезным уточнить конкретное последствие возражения против исключающей оговорки. Сравнение последствия формулирования такой оговорки, с одной стороны, и простого возражения против этой оговорки показывает, что одни и те же права и обязательства исключаются из договорных отношений между соответствующими сторонами. Проект руководящего положения 4.3.6 уточняет это сходство между договорными отношениями, сложившимися в обоих случаях. Он ни в коей мере не имеет задачи заменить проект руководящего положения 4.3.5; он, скорее, пытается внести туда уточнения в отношении конкретных категорий оговорок.

---

[553] См., например, B. Clark, “The Vienna Convention Reservations Regime and the Convention on Discrimination Against Women”, *A.J.I.L.*1991, vol. 85, n°2, p. 308; M. Coccia, “Reservations to Multilateral Treaties on Human Rights”, *California Western International Law Journal*, vol. 15, 1985, n°1, p. 36; G. Gaja, *op. cit.* note 489, p. 327; P.-H. Imbert, *op. cit.* note 465, p. 157; J.M. Ruda, *op. cit.* note 489, p. 199; Sir Ian Sinclair, *The Vienna Convention on the Law of Treaties*, Manchester University Press, 2nd ed., 1984, p. 76. См. также пояснения представителя Нидерландов относительно поправки, внесенной четырьмя государствами, *Comptes-rendus analytiques* (A/CONF.39/11/Add.1), préc. note 482, 32ème séance plénière, 20 mai 1969, p. 191, par. 55; F. Horn, *op. cit.* note 462, p. 173; J. Klabbers, *op. cit.* note 489, pp. 186187.

[554] J. Klabbers, *op. cit.* note 489, p. 179.

[555] См. пункт 353 ниже.

[556] P.-H. Imbert, *op. cit.* note 465, p. 157 citant J. Dehaussy.

[557] K. Zemanek, *op. cit.* note 489, p. 332.

4.3.6 Содержание договорных отношений в случае оговорки, направленной на исключение юридического действия одного или нескольких положений договора

Договаривающееся государство или договаривающаяся организация, которые сформулировали действительную оговорку, направленную на исключение юридического действия одного или нескольких положений договора, и договаривающееся государство или договаривающаяся организация, которые возразили против нее, не выступая против вступления договора в силу между ними и автором оговорки, не связаны в своих договорных отношениях положениями, которых касается оговорка, в том объеме, в каком они не применялись бы между ними, если бы оговорка была действующей.

Все другие договорные положения, которые применялись бы в случае действия оговорки, остаются применимыми в отношениях между двумя сторонами.

353. Тем не менее случай изменяющих оговорок весьма четко показывает различие между возражением и принятием. В то время как формулирование оговорки изменяет юридические обязательства между автором оговорки и договаривающимися сторонами, в отношении которых действует оговорка, пункт 3 статьи 21 исключает применение любых положений, которые будут потенциально изменены оговоркой в пределах ее действия. Если какое-либо государство формулирует тогда оговорку, направленную на замену одного договорного обязательства другим, пункт 3 статьи 21 предусматривает, что договорные отношения между автором оговорки и автором простого возражения не будут включать обязательство, потенциально замененное оговоркой. В данном случае не применяется ни первоначальное обязательство, поскольку автор оговорки с ним не согласился, ни измененное обязательство, предложенное оговоркой, поскольку автор возражения в свою очередь не дал на это своего согласия.

354. Следует уточнить это различие между принятой изменяющей оговоркой и оговоркой, которая стала объектом простого возражения. Как и проект руководящего положения 4.3.6 проект руководящего положения 4.3.7 должен читаться в сочетании с проектом руководящего положения 4.3.5, которое он должен пояснить.

4.3.7 Содержание договорных отношений в случае оговорки, направленной на изменение юридического действия одного или нескольких положений договора

Договаривающееся государство или договаривающаяся организация, которые сформулировали действительную оговорку, направленную на изменение юридического действия одного или нескольких положений договора, и договаривающееся государство или договаривающаяся организация, которые возразили против нее, не выступая против вступления договора в силу между ними и автором оговорки, не связаны в своих договорных отношениях положениями, которых касается оговорка, в том объеме, в каком они были бы изменены в отношениях между ними, если бы оговорка была действующей.

Все другие договорные положения, которые применялись бы в случае действия оговорки, остаются применимыми в отношениях между двумя сторонами.

b. Последствия возражения с промежуточным эффектом для договорных отношений

355. Уже сложившаяся практика закрепила существование возражений, соответствующие последствия которых выходят за рамки, начертанные пунктом 3 статьи 21 Венских конвенций: возражения «с промежуточным эффектом»[558]. Речь здесь не идет о том, чтобы спрашивать, может ли быть сформулировано такое возражение: Специальный докладчик уже предложил в 2009 году проект руководящего положения, более непосредственно касающегося этого вопроса[559] и который уже был направлен в Редакционный комитет[560]. Проблема здесь состоит скорее в том, чтобы определить, какие последствия может иметь такое возражение, независимо от первоначального намерения его автора. До какой степени автор возражения может распространить действие своего возражения: от действия «простого» (пункт 3, статья 21 Венских конвенций) до действия «сложного» или «максимального», которое исключает вступление в силу всего договора в отношениях между автором оговорки и автором возражения (пункт 4(b) статьи 20 Венских конвенций)?

356. Очевидно, что такой выбор не может быть оставлен на усмотрение автора возражения[561]. Как подчеркнул Международный Суд в своем заключении 1951 года об оговорках к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него:

> «Естественно следует предположить наличие у договаривающихся сторон намерения сохранить все важное для целей Конвенции; если это намерение отсутствует, то совершенно ясно, что сама Конвенция будет подорвана как в своем принципе, так и в своем применении[562]».

---

[558] Четырнадцатый доклад об оговорках к международным договорам, A/CN.4/614/Add.1, пункт 107.

[559] Проект руководящего положения 3.4.2, предложенный Специальным докладчиком при рассмотрении Добавления 1 к четырнадцатому докладу, гласил следующее:

3.4.2 Субстантивная действительность возражения против оговорки

Возражение против оговорки, которым государство или международная организация, являющиеся его авторами, намерены исключить в своих отношениях с автором оговорки применение положений договора, не затрагиваемых оговоркой, является действительным только в том случае, если:

1) исключаемые таким образом дополнительные положения имеют достаточную связь с положениями, в отношении которых сформулирована оговорка;

2) возражение не имеет следствием лишение договора его объекта и его цели в отношениях между автором оговорки и автором возражения.

(*Официальные документы Генеральной Ассамблеи, шестьдесят четвертая сессия, Дополнение № 10* (A/64/10), стр. 195, сноска 370).

[560] *Там же*, стр. 187, пункт 60; посредством оценочного голосования было согласовано, что руководящее положение 3.4.2 не будет включать положения, касающегося jus cogens в отношении действительности возражений против оговорок (*там же*).

[561] Четырнадцатый доклад об оговорках к международным договорам, A/CN.4/614/Add.2, пункт 109.

[562] *C.I.J.Recueil 1951,* p. 27.

Таким образом, возражение ни в коем случае не может исключать из договорных отношений между возражающим государством или международной организацией, с одной стороны, и автором оговорки, с другой стороны, положений договора, которые являются важными для реализации его объекта и его цели[563]. За эту границу, по всей очевидности, не следует выходить, и проект руководящего положения 3.4.2 делает из нее критерий оценки действительности[564].

357. Но, с другой стороны, не следует упускать из виду сам принцип взаимного согласия, который лежит в основе всего договорного права и который, как это было совершенно справедливо подчеркнуто в арбитражном решении, вынесенном по делу об *Ируазском море*[565], является важным для определения последствий возражения и оговорки. Как это неоднократно подчеркивалось в рамках работы Комиссии над оговорками к международным договорам: "*No State can be bound by contractual obligations it does not consider suitable*"[566] [Никакое государство не может быть связано договорными обязательствами, которые оно считает нецелесообразными]. Это верно как для государства (или международной организации), сформулировавшего оговорку, так и для государства (или международной организации), возражающего против оговорки. Впрочем, в некоторых ситуациях последствия возражения, предусмотренные в пункте 3 статьи 21 Венских конвенций, могут оказаться неспособными восстановить взаимное согласие между автором оговорки и автором возражения, в то время как ни объект, ни цель договора не затрагиваются оговоркой.

358. Таким, в частности, является случай, когда оговорка направлена на исключение или изменение положения договора, которое, по мнению сторон, является необходимым для сохранения баланса прав и обязанностей, являющихся результатом их согласия на вступление договора в силу. Таковым является случай, когда оговорка не только затрагивает согласие сторон на прямо указанное положение, но и нарушает баланс, достигнутый во время переговоров относительно всех других положений. Тогда договаривающаяся сторона может на законном основании считать, что факт признания для себя обязательным одного из данных положений без возможности использования одного или нескольких других положений является "contractual obligation it does not consider suitable" [договорным обязательством, которое она считает нецелесообразным].

359. Именно ситуациям подобного рода имеют целью противостоять возражения с промежуточным эффектом. Эта практика проявляется главным образом, если не исключительно, в рамках оговорок и возражений в отношении положений части V Венской конвенции 1969 года, и она четко показывает причины, в

---

[563] Это важное замечание дает прообраз решению, которое необходимо найти для проблемы, вызванной переносом пункта 3 статьи 21 в случае возражений против недопустимых оговорок.

[564] См. сноску 559 выше.

[565] Решение от 30 июня 1977 года, *Делимитация континентального шельфа в Ируазском море*, préc. note 526, p. 172, p. 61.

[566] Х. Томушат, "Admissibility and Legal Effects of Reservations to Multilateral Treaties", *Z.a.ö.R.V.*, vol. 27, 1967, p. 466; см. также второй доклад об оговорках к международным договорам, A/CN.4/477/Add.1, *Annuaire ... 1996*, vol. II, 1ère partie, p. 60, par. 97 et 99 et D. Müller, "Article 20 (1969)", *in* O. Corten et P. Klein (dirs.), *op. cit*. note 466, pp. 809 à 811, par. 20 à 24.

силу которых авторы возражений стремятся расширить сферу последствий, которых она касается.

360. Статья 66 Венской конвенции и приложение к ней об обязательной процедуре примирения являются процедурными гарантиями, которые многие государства при принятии Венской конвенции считали важными для предотвращения случаев использования других положений части V, которые они считали потенциально неправомерными[567]. Таким образом, реакция нескольких государств на оговорки в отношении статьи 66 Венской конвенции 1969 года имеет целью сохранить общий компромисс — "package deal", который некоторые государства попытались нарушить с помощью оговорок и который может быть восстановлен лишь путем формулирования возражения, выходящего за рамки «обычного» действия оговорок, предусмотренных Венской конвенцией[568].

361. Это подтверждает, что для восстановления так называемого «договорного равновесия» между автором оговорки и автором возражения необходимо признать, что действие этого последнего на договорные отношения между сторонами может распространяться на положения договора, которые имеют особую связь с положениями, затрагиваемыми оговоркой.

362. В подкрепление этих замечаний следовало бы включить в Руководство по практике проект руководящего положения 4.3.8, уточнив, что при некоторых условиях возражение может исключать применение положений, которых оговорка не касается:

4.3.8 Неприменение других положений, помимо тех, которых касается оговорка

В случае, когда договаривающееся государство или договаривающаяся организация, возражающие против действующей оговорки, высказали свое намерение, любое положение договора, которого оговорка прямо не касается, но которое имеет достаточно тесную связь с положением или положениями, которых она касается, не применяется в договорных отношениях между автором оговорки и автором возражения при условии, что неприменение этого положения не наносит ущерба объекту или цели договора.

363. Специальный докладчик понимает, что этот проект руководящего положения в определенной степени дублирует проект руководящего положения 3.4.2[569]. Тем не менее в последнем проекте этот вопрос рассматривается под углом зрения действительности подобного возражения, в то время как проект руководящего положения 4.3.8 касается более конкретно возможных последствий возражения. Он не имеет целью «санкционировать» возможную недействительность возражения с промежуточным эффектом, но ограничивается констатацией того, что возражение, подкрепленное соответствующим намерением со стороны его автора, приводит к таким последствиям. Сочетание последствий, предусмотренных соответственно проектами руководящих положе-

---

[567] Четырнадцатый доклад об оговорках к международным договорам, A/CN.4/614/Add.1, par. 117.

[568] D. Müller, "Article 21 (1969)", *in* O. Corten et P. Klein (dirs.), *op. cit*., note 466, p. 927 et 928, par. 70.

[569] См. сноску 559 выше.

ний 4.3.5 и 4.3.8 позволяет объективно определить последствия возражения с промежуточным эффектом без необходимости говорить о том, что автор возражения с промежуточным эффектом, вышедший за рамки допустимого, тем не менее пользуется «нормальными» последствиями возражения.

c. Случай возражения с «супермаксимальным» эффектом

364. Более противоречивый случай возражений с супермаксимальным эффектом, с помощью которых их авторы подтверждают, что договор вступает в силу в отношениях между ними и автором оговорки, причем последний не может воспользоваться результатами своей оговорки[570], также находит логическое решение в принципе консенсуализма.

365. Следует, однако, отметить, что практика возражений с супермаксимальным эффектом сложилась не в рамках возражений против оговорок, считающихся допустимыми, но как реакция на оговорки, несовместимые с объектом и целью договора. Недавний пример — возражение Швеции против оговорки, сформулированной Эль-Сальвадором к Конвенции о правах инвалидов 2006 года, иллюстрирует это:

> «Правительство Швеции рассмотрело оговорку, сформулированную правительством Республики Эль-Сальвадор при ратификации Конвенции о правах инвалидов.
>
> В соответствии с международным обычным правом, кодифицированным в Венской конвенции о праве международных договоров, оговорки, несовместимые с объектом и целью договора, не допускаются. В интересах всех государств, чтобы объект и цель договоров, сторонами которых они решили стать, соблюдались всеми сторонами и чтобы государства были готовы осуществить необходимые законодательные изменения, с тем чтобы выполнить обязательства, вытекающие из этих договоров. Отмечая, что в соответствии со своей оговоркой Эль-Сальвадор отдает приоритет своей Конституции, а не Конвенции. Правительство Швеции полагало, что вышеуказанная оговорка, не уточняющая четко степень отступления, порождает серьезные сомнения относительно приверженности Эль-Сальвадора объекту и цели Конвенции.
>
> Соответственно, правительство Швеции возражает против оговорки к Конвенции о правах инвалидов, которую сформулировало правительство Республики Эль-Сальвадор и которую она считает недействительной. Это возражение не имеет последствий для вступления в силу Конвенции между Эль-Сальвадором и Швецией. Таким образом, Конвенция вступает в силу в отношениях между Эль-Сальвадором и Швецией в ее полном виде, причем Эль-Сальвадор не может пользоваться своей оговоркой[571]».

366. Несмотря на последствия такого возражения с супермаксимальным эффектом в случае, когда оговорка не является действительной, совершенно ясно, что такое последствие возражения не только не предусмотрено Венскими конвенциями — так же, как и в случае возражений с промежуточным эффектом, но оно также несовместимо с принципом консенсуализма. Поэтому «супермакси-

---

[570] См. также четырнадцатый доклад об оговорках к международным договорам, A/CN.4/614/Add.1, par. 106.

[571] C.N.84.2009.TREATIES-4 (Notification Dépositaire).

мальный» эффект исключен сам по себе в случаях, когда речь идет о допустимой оговорке: автор возражения не может навязать автору оговорки быть связанным большим, чем он готов принять. Государство или международная организация, сформулировавшие возражение, не могут навязать сформулировавшим оговорку государству или международной организации, которые на законном основании воспользовались своей способностью формулировать оговорку, обязательства, в отношении которых они не давали своего согласия быть связанными.

367. Поэтому в Руководстве по практике следует уточнить, что автор законным образом сформулированной оговорки не может быть обязан соблюдать положения договора без учета его оговорки. Таковым является объект проекта руководящего положения 4.3.9:

4.3.9 Право автора действительной оговорки не быть связанным договором без учета его оговорки

Автор оговорки, которая удовлетворяет условиям действительности по существу и которая была сформулирована с соблюдением установленной формы и процедуры, ни в коем случае не может быть обязан соблюдать все положения договора в целом без учета своей оговорки.

368. Это, однако, не означает, что возражение с супермаксимальным эффектом не имеет никаких последствий для содержания договорных отношений между его автором и автором оговорки. Как и в случае возражений с промежуточным эффектом, которые выходят за рамки допустимых последствий, такие возражения являются прежде всего возражениями, с помощью которых автор выражает свое несогласие с оговоркой. Применение проекта руководящего положения 4.3.5 никоим образом не ограничено лишь простыми возражениями. Он применяется ко всем возражениям против действительной оговорки, в том числе к возражениям с супермаксимальным эффектом.

d. Последствия возражения с максимальным эффектом для договорных отношений (напоминание)

369. В случае, когда автор возражения выступает против вступления в силу договора в его отношениях с автором оговорки — право, которое признано за ним пунктом 4(b) статьи 20 Венских конвенций, — договор просто не действует в отношениях между ним и автором оговорки[572]. Никакая договорная норма, вытекающая из договора, не применяется в их взаимных отношениях. В этом случае бесполезно обсуждать вопрос о содержании договорных отношений (не существующих по определению).

c) Последствия действительной оговорки для экстрадоговорных норм

370. Определение оговорки, содержащееся в пункте 1(d) статьи 2 Венских конвенций и воспроизведенное в руководящем положении 1.1 Руководства по практике, недвусмысленно уточняет, что оговорка имеет целью «исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора». Подобным образом в силу пункта 1 статьи 21 действующая оговорка может лишь изменить (или исключить) «положения договора, к которым относится оговор-

[572] См. пункты 307–311 выше.

ка»[573]. Хотя пункт 3 статьи 21 не является столь же точным по этому вопросу, он ссылается на «положения, к которым относится оговорка», что в соответствии с определением оговорки означает лишь «определенные положения договора».

371. Таким образом, сам текст Венских конвенций не оставляет сомнений: оговорка может изменить или исключить лишь юридическое действие *договора* или некоторых его положений. Она остается односторонним заявлением, связанным с договором, юридическое действие которого она стремится изменить, и не представляет собой автономный односторонний акт, который может изменить обязательства, т.е. права ее автора. Совместное действие оговорки и возражения не может также исключить применение норм, посторонних для договора.

372. Хотя речь не идет, по сути, об оговорке к договору, доводы, выдвинутые Французской Республикой в отношении своей оговорки к заявлению о признании компетенции Суда, сделанному в силу пункта 2 статьи 36 Статута Международного Суда во время рассмотрения дел об *испытаниях ядерного оружия*, являются тем не менее весьма поучительными[574]. Чтобы обосновать некомпетентность Суда по этим делам, Франция утверждала, что эта оговорка ограничивала также весьма общим образом ее согласие на компетенцию Международного Суда, определенную, в частности, в Европейской конвенции о мирном разрешении споров. В своем общем особом мнении несколько судей высшего судебного органа опровергли французский тезис:

> «В принципе оговорка касается лишь данного одним из государств согласия быть связанным договором или конкретным документом и обязательствами, которые оно взяло на себя, выражая таким образом свое согласие. Следовательно, идея о том, что оговорка к международному соглашению может каким-либо неопределенным образом заменить собой другой международный акт или связать себя с ним, противоречит самому понятию оговорки в международном праве; кроме того, она не считается с нормами, регулирующими уведомление, принятие и отклонение оговорок»[575].

Это мнение сформулировано достаточно общим образом, чтобы не быть применимым исключительно к конкретной ситуации оговорок к факультативным заявлениям о признании обязательной юрисдикции Суда, но к любой оговорке к международному договору в целом. Впоследствии такой подход был одобрен самим Судом в деле о *пограничных и трансграничных вооруженных действиях* (*Никарагуа против Гондураса*), в котором Гондурас намеревался поставить свою оговорку к факультативному заявлению об обязательной компетенции Суда выше обязательств, вытекающих для него из статьи XXXI Боготского пакта. Суд, однако, считал, что такая оговорка

> в любом случае не может ограничивать обязательство [Гондураса] по статье XXXI. Таким образом аргументация Гондураса в отношении послед-

---

[573] О различиях между пунктом 1(d) статьи 2 и пунктом 1 статьи 21 Венских конвенций см. D. Müller, “Article 21 (1969)”, *op. cit.* note 568, pp. 896–898, pars. 25–26.

[574] *Essais nucléaires (Australie c. France)*, *mesures conservatoires*, *ordonnance du 22 juin 1973*, *Rec.* 1973, pp. 101–102, par. 18; *Essais nucléaires (Nouvelle-Zélande c. France)*, *mesures conservatoires*, *ordonnance du 22 juin 1973*, *Rec.* 1973, pp. 137-138, par. 16.

[575] *Essais nucléaires (Australie c. France)*, Opinion dissidente commune des Juges Onyeama, Dillard, Jimenez de Arechaga et Sir Humphrey Waldock, *Rec.* 1974, p. 350, par. 83.

ствий оговорок к его заявлению 1986 года об обязательствах, которые он взял на себя в соответствии со статьей XXXI пакта, не может быть принята[576].

373. Такое действие оговорки и реакции, которую она вызвала, в том смысле, что они могут изменять или исключить лишь юридическое действие договора, в отношении которого они были сформулированы и сделаны, является следствием принципа pacta sunt servanda. Государство или международная организация не могут освобождать себя с помощью оговорки, ее принятия или возражения против оговорки от других возложенных на него или нее обязательств.

374. Проект руководящего положения 4.4.1 имеет целью подчеркнуть отсутствие последствий оговорки, ее принятия или возражения для договорных обязательств, вытекающих из другого договора. Может изменяться или исключаться лишь юридическое действие тех положений договора, которых касается оговорка.

4.4 Последствия оговорки и внедоговорные обязательства

4.4.1 Отсутствие последствий для применения положений другого договора

Оговорка, ее принятие или возражение не изменяют и не исключают соответствующих прав и обязательств своих авторов, вытекающих из другого договора, участниками которого они являются.

375. Оговорка не только не может повлиять на ранее существовавшие договорные отношения ее автора, но и не может изменить никакие другие обязательства, которые связывают автора оговорки за рамками договора. Это особенно ясно в случае оговорки, сделанной в отношении положения, отражающего[577] нормы обычного права[578]. Разумеется, в отношениях между автором оговорки и договаривающимися сторонами, в отношении которых действует оговорка, последняя имеет свои «нормальные» последствия, предусмотренные пунктом 1 статьи 21, создавая между этими сторонами особую нормативную систему, которая может отступать от соответствующей обычной нормы в рамках договора[579], например, возлагая менее взыскательные обязательства. Тем не менее оговорка никоим образом не наносит ущерба обязательному характеру обычной нормы как таковой. Она не может освободить ее автора от соблюдения обычной нормы, если та действует в отношении него за рамками этих особых нормативных систем[580]. Международный Суд недвусмысленно подчеркнул в этой связи, что:

---

[576] *Пограничные и трансграничные вооруженные действия* (*Никарагуа против Гондураса*), *компетенция и приемлемость, постановление*, Rec. 1988, p. 88, par. 41.

[577] Об использовании слова «отражать» см. *Официальные документы Генеральной Ассамблеи, шестьдесят вторая сессия, Дополнение № 10* (A/62/10), стр. 92, пункт 1 комментария к руководящему положению 3.1.8.

[578] По вопросу о допустимости таких оговорок см. Десятый доклад, A/CN.4/558, пункты 116–130 и пункт 1 руководящего положения 3.1.8 (*Официальные документы Генеральной Ассамблеи, шестьдесят вторая сессия, Дополнение № 10* (A/62/10), стр. 92). См. также G. Teboul, “Remarques sur les réserves aux conventions de codification”, *R.G.D.I.P.*, 1982, pp. 679–717.

[579] *Ibid.*, p. 708, par. 32.

[580] П. Вейл считал, что «не столь важным является отныне пожелание, высказанное государством в отношении какой-либо данной конвенции: … независимо от того, делает

«государство, сформулировавшее оговорку, тем не менее, не освобождается от обязательств, налагаемых на него общим морским правом за рамками и независимо от Конвенции о континентальном шельфе[581]».

Причины этого просты:

«Тот факт, что принципы [международного общего и обычного права], признанные в качестве таковых, кодифицированы или инкорпорированы в многосторонние конвенции, не означает, что они перестают существовать и применяться в качестве принципов обычного права, даже в отношении стран, которые являются сторонами таких конвенций[582]».

376. Таким образом, факт изменения или исключения применения договорного положения, отражающего обычную норму, может вполне иметь последствия в рамках договорных отношений; однако это никоим образом не наносит ущерба существованию и обязательному характеру обычной нормы как таковой.

377. Конкретно, оговорка (и реакции, которые она вызывает — принятие или возражение) имеет следствием исключение применения *договорной нормы*, отражающей обычную норму, а это означает, что автор оговорки не связан в отношениях с другими договаривающимися сторонами обязательством соблюдать норму (договорную) в рамках договора; так, например, он не обязан выполнять обязательство о передаче в арбитраж или Международный Суд любого вопроса относительно толкования или применения этой нормы, несмотря на регулирующую норму, содержащуюся в договоре. Тем не менее, учитывая, что обычная норма сохраняет всю свою юридическую ценность, автор оговорки в качестве такового не может нарушать обычную норму (идентичную по определению); он должен соблюдать ее как таковую. Однако соблюдение или последствия несоблюдения обычной нормы не являются частью правового режима, предусмотренного договором, но относятся к сфере международного общего права и изменяются в связи с ним.

378. Такой подход, впрочем, разделяется государствами, которые без колебаний обращают внимание автора оговорки на тот факт, что обычная норма сохраняет свою силу в их взаимных отношениях, несмотря на их возражение. В качестве примера можно привести Нидерланды, которые сформулировали возражение против нескольких оговорок, касающихся пункта 1 статьи 11 Венской конвенции о дипломатических сношениях:

«Королевство Нидерландов не принимает заявления, сделанные Народной Республикой Болгария, Германской Демократической Республикой, Монгольской Народной Республикой, Украинской Советской Социалистической Республикой, Союзом Советских Социалистических Республик, Белорусской Советской Социалистической Республикой и Демократической

ли оно оговорки в отношении некоторых ее положений или нет.., он будет в любом случае связан теми положениями этой конвенции, за которыми был признан характер норм международного обычного или общего права» (К относительной нормативности международного права?, *R.G.D.I.P.*, 1982, pp. 43–44).

[581] *Континентальный шельф Северного моря, решение, Международный Суд, Сборник 1969 года*, стр. 40 текста на французском языке, пункт 65.

[582] *Военные и полувоенные действия в и против Никарагуа (Nicaragua* c. *États-Unis d'Amérique)*, компетенция и приемлемость, *решение, Международный Суд, Сборник 1984 года*, стр. 424 текста на французском языке, пункт 73.

Республикой Йемен в отношении пункта 1 статьи 11 Конвенции. Королевство Нидерландов считает, что это положение сохраняет свою силу в отношениях между ним и вышеуказанными государствами на основании международного обычного права[583]».

379. Комиссия уже приняла руководящие положения по этому вопросу в рамках третьей части Руководства по практике о действительности оговорки. Речь идет о руководящем положении 3.1.8, составленном следующим образом:

3.1.8 Оговорки к положению, которое отражает обычную норму

1. Тот факт, что положение договора отражает обычную норму, является фактором, подлежащим учету при оценке действительности оговорки, хотя сам по себе не препятствует формулированию оговорки к этому положению.

2. Оговорка к положению договора, которое отражает обычную норму, не затрагивает обязательный характер этой обычной нормы, которая продолжает применяться как таковая в отношениях между государством или международной организацией, формулирующими оговорку, и другими государствами или международными организациями, которые связаны с этой нормой[584].

380. По мнению Специального докладчика, пункт 2 этого руководящего положения рассматривает вопрос вполне удовлетворительно. Однако можно задаться вопросом о том, на том ли месте находится этот пункт в плане исследования. Здесь в большей степени речь идет о проблеме последствий, нежели о проблеме действительности оговорки. Поэтому, возможно, разумно в таких условиях преобразовать пункт 2 руководящего положения 3.1.8 в новый проект руководящего положения 4.4.2:

4.4.2 Отсутствие последствий оговорки для применения обычных норм

Оговорка к положению договора, которое отражает обычную норму, не затрагивает обязательного характера этой обычной нормы, которая продолжает применяться как таковая в отношениях между государством и международной организацией, формулирующими оговорку, и другими государствами или международными организациями, которые связаны этой нормой.

381. Таким образом, основополагающий принцип состоит в том, что оговорка и вызываемые ею реакции не изменяют и не исключают применения других договорных или обычных норм, которые связывают стороны. По-видимому, этот принцип применяется a fortiori, если договорная норма отражает императивную норму международного общего права (jus cogens). По этому вопросу Комиссия после довольно жаркой дискуссии приняла руководящее положение 3.1.9, которое частично основывается на этой проблематике:

---

[583] Многосторонние договоры, сданные на хранение Генеральному секретарю, http://treaties.un.org (ch. III, 3). По сути обоснованность замечания Нидерландов не вызывает сомнений; тем не менее его формулировка является весьма спорной: в отношениях между государствами, сделавшими оговорку, и Нидерландами в силе остается не договорное положение, а обычная норма, отражающая этот принцип.

[584] *Официальные документы Генеральной Ассамблеи, шестьдесят вторая сессия, Дополнение № 10* (A/62/10), стр. 92.

3.1.9 Оговорки, противоречащие норме jus cogens

> Оговорка не может исключать или изменять юридическое действие договора таким образом, что это противоречит императивной норме международного общего права[585].

382. Не намереваясь вновь начинать длительную дискуссию по этой проблеме (если таковая имеется?), Специальный докладчик считает желательным, чтобы в четвертую часть Руководства по практике было включено положение, касающееся последствий (или отсутствие последствий) оговорки к норме jus cogens. В 2006 году несколько членов Комиссии высказали мнение о том, что руководящее положение 3.1.9 касается в большей степени последствий оговорки, нежели вопроса о ее действительности[586].

383. Тем не менее, вопреки тому, что было предложено выше[587] в отношении оговорок к договорному положению, отражающему обычную норму, Специальный докладчик не предлагает простое перемещение руководящего положения 3.1.9 в четвертую часть Руководства по практике: в своей нынешней формулировке это руководящее положение не решает вопроса о последствиях оговорки, касающейся положения, отражающего императивную норму международного общего права.

384. Как указано выше[588], нет причин для возражения против того, чтобы принцип, применимый к оговоркам в отношении положения, отражающего обычную норму, был воплощен в оговорках, касающихся положения, отражающего императивную норму. Таким образом, проект руководящего положения 4.4.3 можно было бы составить по тому же образцу, что и проект руководящего положения 4.4.2:

4.4.3 Отсутствие последствий оговорки для применения императивных норм общего международного права (jus cogens)

> Оговорка к положению договора, отражающему императивную норму общего международного права (jus cogens), не затрагивает обязательного характера этой нормы, которая продолжает применяться как таковая в отношениях между государством или международной организацией, формулирующими оговорку, и другими государствами или международными организациями, которые связаны этой нормой.

385. С учетом вышесказанного Специальный докладчик полагается на мудрость Комиссии при решении вопроса о том, дублирует ли проект руководящего положения 4.4.3 руководящее положение 3.1.9 или оба руководящих положения могут быть сохранены в их соответствующих частях Руководства по практике.

---

[585] Там же, стр. 102–107.
[586] Там же, стр. 107, пункт 12 комментария к руководящему положению 3.1.9.
[587] Пункт 380.
[588] Пункт 382.